

ГЛАВА 1

Любовь как проклятие

ОНА ВСЕГДА БЫЛА РЯДОМ. И я всегда хотел, чтобы она была моей. Я помнил ее столько же, сколько и себя. Маленькая, кудрявая, смелая, истопно вопящая и с вечными синяками на коленках. С зелеными глазами и аккуратным носиком. Дарья Сергеева была моей главной проблемой с самого детства.

Все началось с того, что я решил на ней жениться, а она не хотела со мной даже играть — общество девчонок нравилось ей куда больше. Это здорово бесило. И чтобы привлечь ее внимание, я шел на многое. Воровал ее игрушки, кидался песком, ставил подножки, придумывал обидные прозвища. Даже задирали ей юбку — было дело. От отца, правда, потом влетело, и юбку пришлось оставить в покое. А когда один тип во дворе решил задрать юбки Дашке и ее подружке, я так отходил его песочной лопаткой, что от отца мне потом снова досталось.

Но сколько бы я ни пытался заставить ее обратить на меня внимание, ничего не получалось. Выходить за меня замуж Сергеева точно не собиралась. И видела во мне какого-то идиота. А это здорово обижало. Я ведь, черт побери, старался! Чем больше она отталкивала меня, тем больше я хотел быть с ней рядом. Была бы моя воля — велел бы ей общаться только со мной. И поселил бы ее в своей комнате, уступив кровать.

— Пусть Дашка переедет к нам, — попросил я однажды мать.

— Зачем? — задала она логичный вопрос.

— Чтобы всегда была рядом со мной. Как ты рядом с папой, — просто ответил я.

Мать тогда только смеялась и называла меня «маленьким собственником», а я не понимал, в чем дело, и злился.

Однажды во время сончасы в детском саду Дашка захотела, чтобы ее поцеловал какой-то пацан. Помню, я успел оттолкнуть его и подставил ногу — так, что Сергеева поцеловала пятку. Она так орала, что я едва не покатился по полу от смеха. Но в итоге она отомстила. Засунула за унитаз мою шапку. А я не смог промолчать.

Что бы я ни делал, она всегда давала отпор. И это мне тоже всегда нравилось в Дашке. Она не хныкала, не жаловалась и не ныла. Просто отвечала мне тем же. Могла обзывать, ударить, придумать пакость. А я радовался — теперь Сергеева не забывала обо мне. Я был уверен — такое общение ей нравится не меньше, чем мне.

Наше соперничество стало делом чести. Мы не оставляли друг друга в покое даже на день. Однако иногда все-таки заключали негласное перемирие — вместе играли, смотрели мультики, порой даже вместе засыпали на одной кровати, что умиляло взрослых. Мы стали заклятыми друзьями. И я здорово ревновал ее ко всем.

Когда у нас был выпускной в подготовительной группе, воспитательница предложила Дашке выбрать мальчику для парного танца: или меня, или другого пацана. «Матвеев тупой, с ним танцевать не буду!» — заявила она и стала улыбаться другому. Меня это так задело, что я в итоге поставил ей подножку. Неудачно. Весь выпускной Сергеева просидела на стульчике, глядя на меня с ненавистью. А что я? Я только язык ей в ответ показывал. Не надо было отказываться!

После детского сада мы попали в одну школу и в один класс. К моему восторгу нас даже посадили вместе. И я был так рад, что не мог оставить Дашку в покое. Сейчас я понимаю, что вел себя как последний кретин, но я действительно не мог перестать приставать к Сергеевой. Это было не развлечением, как кто-то может подумать, а моим способом доказать ей свои чувства. Она должна была думать обо мне столько же, сколько думал о ней я. И потому не давал ей проходу.

Она должна была быть моей. Но почему-то очень плохо понимала это. А мне просто не хватало мозгов, чтобы нормально ей все объяснить. Да и какой смысл был объяснять?

Дашка называла меня Клоуном, а я ее — Пипеткой. Только мое прозвище не прижилось, а ее — вполне. Из-за этого она ужасно злилась, а я радовался. Радовался каждый раз, когда удавалось задеть ее и вызвать у нее эмоции. Я не хотел быть для нее пустым местом. Я хотел стать для нее самым важным человеком в мире. Даже писал для нее стихи. Корявые, без ритма и рифмы, но именно в них — и только в них — я мог выразить свои чувства.

Однажды из-за меня Дашка порезала руку. Кажется, мы не поделили конфеты. Наверное, нам было лет по тринадцать, мы подрались, как часто делали это прежде, и только тогда я впервые понял, что она все же девчонка. Слабая, нежная, относительно незащищенная — тонкие руки, тонкие ноги, ни намека на мускулы. Зато у нее большие зеленые глаза и губы бантиком, на которые я, как идиот, часто пялился.

На руке у нее появилась кровь, и я чертовски испугался, что обидел ее, сделал больно. Я сам чуть не заплакал. Наложил ей повязку, то и дело спрашивая, как она. И впервые почувствовал, как быстрее бьется сердце, когда мои пальцы касаются ее нежной кожи.

Потом это стало привычным делом. Сергеева и учащенный пульс — синонимы. Не могу реагировать на нее иначе. Ее присутствие рядом всегда сводит с ума, кружит голову. Заставляет думать только о ней. И эти мысли не всегда приличны. Вернее, почти всегда неприличны.

В тот раз она не выдала меня, и тогда-то я точно понял, что люблю ее.

Говорят, что любовь — прекрасное чувство. Когда она приходит, радостно поет стая крылатых младенцев, взрываются идиотские фейерверки и в нос бьет острый запах ванили. Но у меня было иначе. Закинув руки за голову, я лежал на кровати, смотрел в окно, и в голове сама собой появилась простая мысль: «Я ее люблю».

Я ее люблю. С этими мыслями долгое время я просыпался и засыпал. Я ее хотел. Это проклятое чувство не отпускало меня. Я никому о нем не говорил. Всё держал в себе.

Боялся, что засмеют, осудят, выставят идиотом. В первую очередь — она. На остальных мне было плевать, но мнение Дашки всегда было для меня важным. Подросткам стыдно любить — до определенного возраста. Стыдно признаваться в зависимости от кого-то. Того, кто терпеть тебя не может.

Я молчал и делал то же, что и всегда, — обращал на себя ее внимание. Единственным способом выразить свои чувства стали «валентинки», которые я тайно присылал Дашке на четырнадцатое февраля, меняя почерк. А потом ошивался рядом, подслушивая ее разговоры с подружками. Она не догадывалась, что «валентинки» — от меня. А я радовался.

Помню, как от ее подружки Ленки я узнал о том, что ей нравится пацан, играющий на скрипке. Имя уже забыл, но вот фамилия до сих пор сохранилась в голове — Альтман. Он был из тех, кого хвалят учителя, но сверстники не берут в команды по футболу или баскетболу на физре. Худой, слабый, трусливый, со скрипкой наперевес — я не понимал, что Сергеева в нем нашла! И разозлился так сильно, что дома сломал табуретку об стену — с самоконтролем у меня в этом возрасте было очень плохо. Я с трудом контролировал свои злость и ревность.

Затем я придумал план. Решил пообщаться с Дашкой от имени Альтмана — и для этого попросил взрослого двоюродного брата купить новую сим-карту.

«Ты нравишься мне так сильно, что я не могу себя контролировать», — написал я ей. И это было правдой. Я не мог себя контролировать из-за этой кудрявой девчонки. Видал ее в короткой юбке — не мог отвести взгляда от ножек. Смотрел на губы, и само собой выходило, что в голове появлялись картинки, в которых я целую ее. А когда мы ездили всем классом в бассейн, так и вовсе с ума сходил, глядя на нее в купальнике. Правда, когда кто-то из пацанов заявил, что у Сергеевой «фигурка ничего так», я, не сдержавшись, дал ему в морду. Больше никто о ней такого не говорил. По крайней мере при мне.

Приближался очередной День святого Валентина. И от имени Альтмана я написал Дашке кучу «валентинок». Даже

пригласил ее на свидание, и она пришла! Пришла, чем окончательно вывела меня из себя. Дашка ожидала увидеть своего Альтмана, а увидела не только не его, но и меня с друзьями, ржущих как кони в яблоках. Признаю, это был дурацкий поступок — заставить скрипача прийти вместе с нами и выставить все так, будто мы решили поиздеваться над Сергеевой. Но в средней школе я считал, что это хорошая месть за то, что Дашка выбрала не меня, а какого-то там Альтмана.

После этого случая Дашка впервые спалила меня на контрольной по химии, в результате чего я получил двойку. И не получил обещанный отцом новый крутой велик. А я в отместку закрыл ее в спортзале. Ушел домой, промаялся пару часов, думая, как эта идиотка там будет одна. И вернулся. Правда, опоздал — Дашку уже кто-то выпустил.

Я был так на нее зол, что даже стал сомневаться, любовь ли это. Однако совместный Новый год многое для меня прояснил. После того как я запустил в ее шкаф белую мышку, Дашка меня едва не прибила. Да еще и отец застукал за тем, как я надел себе на голову ее лифчик. Я уже думал, мне хана. Однако попустило. И глубоко ночью из квартиры Сергеевых мы сбежали в нашу квартиру. Сидели с ногами на моей кровати в полутемной комнате, слушали, как гремят салюты.

Дашка была красива. Я любовался ею, отпуская то и дело на автомате глупые и колкие шуточки. А сам думал о том, что хочу дотронуться до соблазнительной ямки у нее между ключицами. Или убрать с тонкой девичьей шеи длинные курчавые волосы. Или лучше вообще запустить в них пальцы.

Когда в комнату заглянули родители, мы притворились спящими. А потом действительно заснули — бок о бок. Как в глубоком детстве. Я чувствовал тепло ее тела и не мог унять бешеное сердцебиение. А когда понял, что она крепко спит, приподнялся и, не сдержавшись, поцеловал ее. Нет, поцеловал — громко сказано. Коснулся ее губ своими губами и замер. Во-первых, не знал, что делать дальше. А во-вторых, боялся, что Дашка проснется и убьет меня.

Я отстранился, разглядывая ее красивое лицо, и снова не сдержался — дотронулся все-таки до ямки между ключицами. Дашка зашевелилась, и я дико испугался, что она не спит. Однако она просто перевернулась на бок. Тогда я снова лег — к ней лицом. И сам не заметил, как заснул.

Я действительно очень ее любил. Вместе с осознанием любви пришло понимание того, что я должен защищать Сергееву. Она же девчонка. Шумная и вредная, но все же такая слабая. А я — парень. И с легкостью могу перекинуть ее через плечо. К тому же с подачи отца я пошел на бокс, а потом, став старше, стал заниматься смешанными боевыми искусствами.

Я пообещал себе, что никогда не оставлю ее в беде. Всегда буду защищать, даже если она не будет любить меня в ответ. И я держал свое слово до последнего. Придурки, которые пристали к ней зимним вечером после школы, урод на дискотеке, Серый... Я всегда ее защищал.

Дискотека. Ее я не ждал. Танцы меня никогда не впечатляли, да и двигаться под музыку я не умел. Куда лучше у меня получалось боксировать. Но Дашка хотела пойти, и я не мог оставить ее одну. Мало ли кто захочет к ней прицепиться?

В ночь перед этим дурацким событием Дашка мне снилась. Нет, снилась она мне часто, но впервые сон был эротическим и таким горячим — с острыми ощущениями. Почти реальными. Я шел босиком по горячему песку и увидел ее, лежащую на берегу. Волны накатывали на ее обнаженные ноги. Солнце играло в распущенных по плечам волосах. На Дашке была лишь рубашка — моя белая рубашка с длинными рукавами, застегнутая наполовину. Она едва прикрывала бедра. И на ярком свете казалась полупрозрачной.

Я замер, глядя на Дашку, не зная, что делать и говорить. Просто смотрел на нее, не понимая, что это сон. «Иди ко мне», — игриво сказала Дашка, откидывая волосы на одно плечо. И я послушно опустил на влажный песок рядом с ней. Несмело провел рукой по ее щеке, спустился к шее и отдернул руку. Она рассмеялась и потянулась ко мне сама, чтобы поцеловать.

Не помню, как Дашка оказалась подо мной. Помню только, как я шептал ее имя и как о наши ноги ударялись теплые волны. Все, что происходило между нами, было вспышками. И я с трудом сдерживал вскрики, глядя в зеленые глаза. Я повторял ее имя до тех пор, пока не проснулся. За окном все еще стояла глубокая ночь. Грудная клетка высоко и часто вздымалась. А нижняя губа была прокушена до крови.

Когда я стоял в душе, думать мог только об этой заразе Сергеевой. Как только она умудрилась пробраться в мои сны? С тех пор Дашка постоянно мне снилась. И чаще всего в этой проклятой белой рубашке, которая едва прикрывала ее тело. Во сне я мог быть с ней — брать за руку, целовать в висок, зарываться носом в непослушные волосы. Но реальность была жестокой. Реальная Дашка не знала, что так нравится мне.

Во-первых, я не собирался ей ничего говорить. Знал, чем это обернется для меня. Моя любовь — моя слабость. А свои слабости я всегда предпочитал держать только при себе. Во-вторых, Сергееву вообще не интересовали парни. То ли после Альтмана интерес к отношениям у нее как отрезало, то ли она все еще оставалась маленькой девчонкой, которая тащила от «Линейки» и скупала комиксы. В любом случае дружба с пацанами ее не слишком-то интересовала. А меня она воспринимала как бесполое нечто, которое всегда находится рядом с ней, задирая и веселя ее. Как же это злило!

Да меня едва не разорвало от злости, когда на следующий день после того сна я встретил Сергееву, а она беспокоилась только о том, как пройдет дискотека и пригласит ли ее кто-нибудь танцевать. Я лишь зубами скрипел, наблюдая, как они с Ленкой красятся и мучают волосы, собираясь на дискотеку. Во сне я целовал эту дуру и шептал как ненормальный ее имя. А в реале она сидит рядом и не обращает на меня внимания. Все, что ее заботит, — какой помадой намазать губки. Помню, тогда я чуть не сказал, что без помады ей лучше, но сдержался.

Все равно ее первый танец был моим. Я специально пошел с ними, мрачно думая, что придется разбить табло тому, кто пригласит Сергееву. Однако никто не спешил ее приглашать. Сначала я злорадствовал, но, заметив, какими печальными стали Дашкины глаза, не сдержался — пригласил ее. Для меня это был настоящий подвиг! Я искренне считал, что танцы — мероприятие для обделенных умственными способностями дегенератов. Да и танцевать не умел.

Но стоило мне положить руки на ее талию, как я забыл обо всем на свете. Нес какую-то чушь, пытался выглядеть крутым. Налетел на быка из десятого класса. Подрался с ним, чтобы не казаться в глазах Сергеевой, да и всех остальных, слабаком. Нас вовремя разняли, но врезал я ему пару раз знатно! Правда, через несколько дней десятиклассник подкараулил меня с друзьями, и все бы кончилось плохо, но меня выручили парни из взрослой дворовой компании.

А потом мы с Сергеевой танцевали под снегом. Если бы сейчас кто-нибудь предложил мне танцевать в пуховике в заснеженном парке, я бы послал его. Но тогда это казалось чем-то невероятным. Я, Дашка, снежинки на ее длинных ресницах. Она сказала, что поцелует меня. И эти слова застали меня врасплох. Я решил, что, если она поцелует меня сейчас, я скажу ей все. Прямо там, под снегом. Расскажу, что люблю ее. Что хочу встречаться с ней. Что она лучше любовью другой девчонки.

Естественно, этого не случилось. Сергеева решила записать мне в рот снег. И я думал, что прикончу эту засранку. В эту ночь Дашка снова мне снилась — сидела у меня на коленях, обнимала и шептала что-то. А что, я так и не разобрал.

ГЛАВА 2

Ангел и ведьма

СПУСТЯ МЕСЯЦ или два в моей жизни появилась Каролина. Я не сразу узнал в новой однокласснице с длинными светлыми волосами ту самую девчонку, которую решил защитить от патлатого нефора под кайфом. Не то чтобы я был благородным малым — вообще нет. Скорее уж эгоистичным и жестоким в подростковом возрасте. Но когда обижали девчонок или мелких, во мне что-то включалось. И я шел разбираться, забыв оценить преимущества противника.

Каролину я тоже решил защитить. Серьезно, меня всегда бесило, когда здоровый хрен с горы пытается наезжать на хрупкую девочку. Как говорил мой тренер: «Хочешь самоутвердиться — иди на бой с теми, кто сильнее, а не слабее». А патлач явно пытался самоутвердиться за счет Каролины. Это меня и взбесило. Я нехило врезал ему и дал деру вместе с девчонкой: понял, что патлач не один, а с друзьями. Я не боялся их, но умом понимал, что один целую компанию не одолею. К тому же если буду драться, то девочку защитить не смогу. Поэтому мы убежали.

Каролину Серебрякову зачем-то посадили со мной за одну парту. Сначала я относился к ней настороженно: к нам в дыру попала богатая девочка из Москвы, должно быть, крутая и с амбициями. Но потом стал смотреть на нее как на сестренку. Милая, нежная, спокойная, утонченная... Она прикрывала рот ладошкой, когда смеялась, смущалась, если пацаны заговаривали с ней, и всегда оставалась улыбочивой и отзывчивой.

Она была полной противоположностью Дашки. Как ромашка — кактусу. Ангел — ведьме. Только о Каролине мне не снились сны, и на ее губы было смотреть совсем не

в кайф. Чисто теоретически я мог бы с ней замутить и попробовать завести «типа серьезные отношения», но не видел в этом смысла. Нравилась-то мне Дашка. А Каролина никогда не была в моем вкусе, хотя я и считал ее хорошим другом. Обижать друга я не собирался. Даже когда она предложила мне встречаться, я отказался. Зачем портить отношения? Рассердился только, когда понял, что Сергеева подслушала наш разговор, и назло ей хотел сказать Каролине, что хочу быть с ней. Едва сдержался.

Каролина действительно была классным другом. Однажды я спросил у нее:

— Что делать, если нравится девчонка?

— Все просто, Дан. Дать ей это понять, — ответила она.

— Если я признаюсь Дашке, она решит, что я прикалываюсь, — вырвалось у меня. И она почему-то изменилась в лице.

— Что такое? — спросил я.

— Всё в порядке. Просто голова неожиданно заболела, бывает, — отмахнулась Каролина. — Ты ведь имеешь в виду Дашу Сергееву? Признайся ей.

Легко сказать — признайся! Я решился далеко не сразу — оттягивал и оттягивал. До последнего дня учебы. И только тогда отважился. Затащил эту глупышку в «Макдоналдс» и сказал, придерживаясь ранее придуманного плана, что она нравится одному моему другу. Сергеева удивилась и обрадовалась одновременно. Попыталась выпытать у меня, кому нравится, но я ничего ей не сказал.

— Намекни хоть, какой он? — спросила она с любопытством.

— Тупой, — ответил я тотчас, потому что действительно считал себя тупым. И поспешно добавил, что на нее западет только такой.

Ее ответ меня уничтожил.

— Считай меня кем угодно. Но сейчас мне это неинтересно. Ленка рассказывала, как целовалась с одним типом из «Г» класса, и ее чуть не стошнило. И меня вместе с ней.

Потому что целоваться надо с любимыми, а не с кем попало. Так что передай своему другу, что я не заинтересована в отношениях, — задумчиво сказала Сергеева, и я понял, что она говорит искренне.

Если бы я сказал, что она нравится мне, Дашка точно бы меня засмеяла. Я бы этого не вынес. Я не собирался быть в ее глазах неудачником и лохом — всегда боялся, что она будет думать, что я слабак. Всегда. До сих пор.

После этого разговора я пришел домой и просто упал лицом на кровать. С одной стороны, мне было дико стыдно. С другой — спорт научил меня не сдаваться так просто. Чтобы поставить хороший удар, мне пришлось долго тренироваться. И я считал, что любовь — как бокс. Чем больше бьешь в цель, тем точнее попадаешь.

Я промучился всю ночь, но решил повторить свой подвиг. И позвал Сергееву в парк, чтобы признаться в любви. Я. Хотел. Признаться. В. Любви. Но воспринимал это так, будто... Хотел. Признаться. В. Своем. Бессилии.

Каролина меня поддержала в моем решении. И я пришел в парк загодя, к своему удивлению встретив там пацанов, с которыми общался. Каролина хотела, чтобы друзья меня поддержали, а потому написала им. Эти придурки и пришли. Я пытался их спровадить, потому что такая поддержка мне на фиг была не нужна, а они только сделали вид, что ушли. Спрятались за кустами, а я и не понял этого сразу, только потом дошло, когда они стали ржать. Но вот Дашка сразу что-то заподозрила — она всегда была умной девочкой. Решила, что я снова прикалываюсь. И жестко опрокинула меня. Заявила, что такие, как я, ей не нравятся. Лучше бы она тогда ударила меня, чем так говорить.

— Я лучше со Стоцким стала бы встречаться, чем с тобой, Матвеев! — выкрикнула она, сверкая глазами. И я ментально вышел из себя от злости и ревности. Мне захотелось уколоть ее в ответ. Почему больно должно быть только мне?

— Ты поняла, что я прикалываюсь. Или ты реально думала, что нравишься мне? И что я хочу с тобой

дружить? — зло усмехнулся я, пытаюсь строить из себя взрослого и крутого. — Нет, детка. Вовсе нет. Ты тоже не в моем вкусе.

Деткой всех девчонок называл один крутой тип из соседнего подъезда. В татухах, с пирсой в губе, классными бичухами и кучей подружек. Я хотел быть похожим на него.

— Ну-ка, ну-ка, а кто в твоём вкусе? — сощурилась Дашка. — Серебрякова?

— Что ты ко мне с ней пристала?!

— Потому что она тебе нравится?

И я соврал. Назло ей соврал.

— Да! — заорал я. — Она мне нравится! Она красивая. Нежная. Женственная. Не то что ты!

А потом Дашка увидела пацанов и ушла: гордая, стремительная, недоступная. Парни окружили меня, но я растолкал всех и просто свалил в другую сторону, злой до изнеможения. В ушах все еще звенел ее голос. Ее слова о том, что Стоцкий лучше меня. И что она выбрала бы его.

Меня нашла Каролина, которой пацаны всё рассказали. Она извинялась, говорила, что просто хотела мне помочь и не знала, что так все обернется. Если бы мне так «помог» Петров, я бы ему вмазал по челюсти. Но это была Каролина Серебрякова, и я даже голос на нее особо повесить не мог, не то что ударить. Сначала я злился, но она почему-то заплакала. А женские слезы всегда были самым мощным оружием против меня. И я успокоился.

Мы гуляли недалеко от моего дома, когда встретили Дашку. И я понял, что она меня еще долго не сможет простить. Сказав пару гадостей в своем фирменном язвительном стиле, Сергеева ушла, а я залез на забор и закрыл лицо руками. Каролина стояла рядом и стала гладить меня по плечу. Это раздражало.

— Убери руку, — попросил я ее, а на ее глазах снова появились слезы.

— Ты теперь, наверное, меня ненавидишь, — прошептала она.

Мне стало стремно: обижать ее в мои планы не входило.

На следующий день меня позвала на вписку одноклассница. Никуда тащиться мне не хотелось, но я случайно узнал, что там будет и Дашка. Поэтому все-таки согласился. Надеюсь поговорить с Сергеевой там, на нейтральной территории, и все объяснить.

Не помню, как так вышло, что на вписку я пришел одновременно с Каролиной, и все решили, что мы вместе. Народу было немало. Гремела музыка, на столе и на полу стояло много алкоголя, на который заранее скидывались парни. Было весело. Кто-то танцевал, кто-то дурачился, кто-то откровенно флиртовал друг с другом. Помню, я смотрел на старшеклассника и старшеклассницу, которые целовались на диване, и меня это ужасно завело — гормоны. Мне хотелось так же — с Сергеевой. И я с трудом отвел от парочки взгляд.

Каролина чувствовала себя не в своей тарелке, испуганно жалась ко мне, а когда какой-то чувак решил позаигрывать с ней, мне пришлось его отгонять. Почему-то это еще больше убедило остальных в том, что мы — пара.

Когда соизволили прийти Дашка с Ленкой, я уже немного расслабился и чувствовал себя взрослым и свободным. Каролина не отходила от меня ни на шаг, но меня это уже не напрягало. Напрягало другое — то, что рядом с Сергеевой стал виться тот самый Стоцкий. Он слишком откровенно пялился на ее ноги. Я тоже на них пялился, не скрою, но хотя бы делал это украдкой. И возмущался про себя — зачем Пипетка напялила такой короткий сарафан? Еще короче не могла найти? Ее ноги всегда мне безумно нравились.

Скотский-Стоцкий тоже их оценил. От этого хотелось натянуть хотя бы один его глаз на задницу, чтобы не пялился на Дашку, но пришлось сдержаться. Устраивать драку в чужом доме не хотелось. И я молча глотал то, как Скотский лапал ее, прижимал к себе и нес какую-то чушь прямо ей на ухо.

Дашка же все время улыбалась, точно кукла. Наверное, он ей и правда нравился. Мне оставалось только сжимать кулаки. Между тем целующаяся парочка на диване не

унималась. А вскоре они исчезли — я прекрасно понимал, для чего. И попытался думать не о том, как на моих коленях будет сидеть Сергеева и целовать меня, обвив руками шею, — иначе мне придется позорно ретироваться куда-нибудь в ванную. Я разговорился с Каролиной о совершенно посторонних вещах, выпил еще пива, и меня отпустило.

Кто-то предложил сыграть в «бутылочку». Я зачем-то согласился. Каролина — тоже. Было весело, и кружилась голова, поэтому я лег прямо на пол, положив голову ей на колени. И думал, что было бы круто, если бы мне выпало враскоряк поцеловать Сергееву. Но эта идиотская «бутылочка» дала мне возможность только обнять Дашку. Она так пристально и нехорошо на меня смотрела, что я обнял ее и ментально отстранился, мысленно посылая куда подальше.

Когда выпало, что я должен по-взрослому поцеловать Каролину вместо какого-то пацана, я не стал отказываться. Был уже на пределе — не мог больше смотреть на то, как это делают другие. А еще хотел доказать Сергеевой, что мне на нее плевать, — пусть хоть облизывает своего Скотского с головы до ног.

Делать это на виду у всех было страшно. Все внимательно смотрели на нас с Каролиной, будто хотели увидеть шоу. И раз они хотели шоу, я решил, что они получат его. «Сейчас или никогда», — скомандовал я себе. После этих слов я, как правило, не отступал. И делал то, что делать боялся или не хотел. Под одобрительный гул пацанов я взял тонкое нежное лицо Каролины в свои ладони, склонился к нему и поцеловал, не зная, правильно делаю или нет. Я старался быть нежным, но напористость победила.

Каролина обняла меня — сначала несмело, а потом ее пальцы стали сжимать мои плечи все сильнее и сильнее. И я понял, что все хорошо. Ей нравится. Она отвечает мне. И никто не смеется за нашими спинами. Мы целовались долго — оба были неопытны, и обоим сердца жгла страсть. Не знаю, почему в какой-то момент я решил, что целую Дашку. Когда я отстранился от Каролины, чувствуя, как зашкаливает пульс, и обернулся, то увидел бледное лицо

Сергеевой. И испугался на миг — как так? Почему она там? Я же только что целовал ее, а она меня.

И только потом до меня дошло — я целовал Каролину. При Дашке. И кажется, это ей не понравилось. Она обиделась. Но почему? Разве не она говорила, что даже Скотский лучше меня? Да он просто мешок с камнями, что она в нем нашла-то?!

Забавно, виноват был я. Но при этом злился на Дашку из-за ее нового дружка. Я то и дело вспоминал, как день назад она говорила мне, что отношения ей не нужны. И, видя, как она позволяет ему обнимать себя, осознавал — Сергеева солгала. Опрокинула меня. И повелась на Скотского (Стоцким мне его называть упорно не хотелось).

Я был так на него зол, что мы с этим петухом снова стали задираться. Я реально готов был ему врезать, но нас развели парни. Однако я знал, что эта вписка закончится дракой. Чувствовал это. И не зря. Как это вышло, я плохо помню. Кажется, они столкнулись на кухне — Дашка пролила что-то на платье Каролины. А я наехал на нее, потому что был зол. «Даша! — хотелось крикнуть мне. — Какого фига ты мне соврала?!»

— Пошел к черту! — вполне логично послала меня Дашка.

— Сама иди! Как всегда, от тебя одни неприятности, — рявкнул я в ответ, стараясь не смотреть на ее ноги.

И тут пришел он — тот, кто, по мнению моей вроде бы любимой девушки, был лучше меня. Чем лучше? Тем, что ставил малолеток на счетчик в школе?

— Какого фига ты на мою девчонку голос повышаешь? — поинтересовался Скотский, и меня накрыло.

«Моя девчонка»? Это с каких таких пор она твоя? Я просто подошел к нему и молча врезал по морде. Он не ожидал и отлетел в сторону. Потом вскочил и набросился на меня. А я только этого и ждал. Скотский дрался лучше — чувствовался опыт. Да и в подлых приемчиках он был спец. Но я — более техничный и быстрый. И очень тогда злой. Злость всегда придает силы.

Не знаю, чем бы все закончилось, но нас снова разняли. Думаю, я разнес бы ему пол-лица. Но, увы. Мне не позволили. После драки Дашка и Ленка куда-то убежали, заставив меня почувствовать себя виноватым, — наверное, они испугались наших разборок. Правда, долго я в себе не копался. Приехали вызванные соседями менты, и нас всех увезли в участок.

Забирал меня отец. Сначала он был зол и пригрозил мне домашним арестом на все лето. Однако потом приехала мать Каролины, и начались новые разборки. Эта тетка, на которую Каролина была абсолютно не похожа, стала орать на меня, решив, что я — парень ее драгоценной дочери. Не помню уже, что конкретно несла ее мать. Кажется, пыталась поставить меня на место. И популярно объясняла мне, кто я, а кто ее дочь. Кричала, что мы — из абсолютно разных миров, чтобы я не смел приближаться к Каролине ни на шаг. Иначе у меня будут большие неприятности.

Тут уже не выдержал отец. Вступился за меня.

— Прости, она всегда такая, — тихо сказала Каролина, пока ее мать орала на моего отца, а весь участок дружно делал фейспалм.

— Все в порядке. Ты что, — улыбнулся я ей с сочувствием.

— Иногда я ее ненавижу, — вдруг вырвалось у нее. — Вечно ведет себя как хабалка. Выставляет себя посмешищем. И меня заодно. Прости, Дан.

— Гражданка, вы не могли бы потише? — попросил в это время кто-то из ментов.

— Я сама буду решать, потише мне быть или погромче. А на вас и вовсе в суд подам. Притащили моего ребенка в такое место! Как преступницу!

— Следить нужно за своим ребенком, дамочка.

— Не поняла — вы это меня «дамочкой» назвали? — Она даже задохнулась от гнева. — Да вы знаете, что я...

— Мама, хватит! — вдруг громко и звонко сказала Каролина. — Прекрати, пожалуйста. Стыдно.

На этом ее мать успокоилась и утатила Каролину из участка. А меня увез домой отец. И еще час я слушал нудную лекцию о том, что не стоило пить и драться. Каролине действительно было стыдно. На следующий день она даже приехала ко мне домой — извиняться.

— Пожалуйста, прости, — повторяла она, пряча глаза. — Маму слишком заносит.

— Все в порядке, Каролина, — улыбнулся я ей. — Но ведь она права. Кто ты и кто я. Вы богатые. Мы обычные.

— Чушь, Дан! Это такие глупости! Ты мой самый лучший друг. Мне плевать, сколько у тебя денег. Понимаешь? Я дружу с тобой, потому что ты хороший человек. И только поэтому, — в отчаянии говорила Каролина. И я знал, что она говорит искренне.

Она успокоилась не сразу, но, слава богу, не плакала. И даже посоветовала все-таки еще раз поговорить с Дашкой, чтобы все решить.

— Если любишь — не отпускай, — сказала она мне. И я решил на третью попытку. Перед ее уходом послал Дашке сообщение, в котором написал, что она мне нравится. Но в итоге Сергеева уже в третий раз меня отшила.

Кого-нибудь отшивали блюющим смайлом? Меня — да. «Какой ты идиот. Бесишь. Иди к своей Каролиночке!» — ответила мне Дашка, поставив этот тупой смайл. И я не смог сдержаться. «Передай Скотскому, что ему не жить. Найду и выбью все дерьмо», — пообещал я, решив, что она окончательно выбрала его, а не меня. Дня два мы не виделись. А потом Сергеева притащилась ко мне в комнату, пока я был в душе, и стала рыться в моих вещах. Я ненавидел, когда кто-то трогал мои вещи — даже матери не разрешал убираться в своей комнате, делал это сам. А Дашка пришла и сразу же запустила свои острые коготки в то, что я прятал ото всех. В мои стихи.

Когда я вошел в комнату с полотенцем наперевес и с мокрыми после душа волосами, Сергеева озадаченно таранилась в мой черный лаковый блокнот на пружине. Читала

мои стихи. Стихи, которые я ото всех прятал. Стихи о том, как я люблю ее. Очередное доказательство моей слабости.

Волна злости захлестнула меня с головой. Да как она только посмела?! Я вырвал из ее рук блокнот и выгнал ее. А после изорвал листы на мелкие кусочки. В очередной раз Сергеева ничего не поняла. И, забегая вперед, скажу, что она решила, будто эти стихи я посвящал Каролине.

Ночью после этого инцидента Дашка мне снова снилась — сидела у воды, распустив длинные-длинные волосы. На ней ничего не было — грудь и бедра прикрывали только эти волосы. Я сел рядом, потянулся за поцелуем, но она оттолкнула меня и ушла — уже одетая в джинсы и футболку. Я кинулся следом и долго за ней бежал. А когда поймал, крепко обнял, прижал к себе. «Я не хочу тебя отпускать, — твердил я. — Не хочу. Не буду. Поняла?»

Когда я проснулся, увидел, что обнимаю подушку.